

РЕЦЕНЗИИ

John Kenneth Galbraith, *The Economics of Innocent Fraud. Truth for Our Time*, Allen Lane, London 2004, p. 78

The Economics of Innocent Fraud. Truth for Our Time (в вольном переводе: «Экономика безобидного обмана – правда нашего времени») - это новая книга Джона Кеннета Галбрайта, признанного американского авторитета в области экономики, профессора-эмеритус Гарвардского университета, бывшего дипломата и консультанта по вопросам макроэкономической политики, а также автора нескольких десятков известных и читаемых работ по теории экономических кризисов, потребительского общества и принципов управления. В своем широко разрекламированном в средствах массовой информации труде, которого давно с нетерпением ждали читатели, Галбрайт проводит критический анализ современной экономики, незначительный по объему, зато чрезвычайно красноречивый ввиду авторитетного статуса автора как одного из величайших экономистов двадцатого века. Известный своим строгим отношением к возрастающей силе транснациональных корпораций, Галбрайт выдвигает здесь вопрос чрезмерного, по его мнению, влияния частного сектора на публичную жизнь современных обществ. Опираясь на свой почти семидесятилетний опыт в области экономической политики развитых государств, он отрицает широко распространенные положения о высокой эффективности современного рыночного механизма. Автор постулирует увеличение государственного и общественного контроля над деятельностью крупного бизнеса, а также рост значения государства в стимулировании экономического роста. Одновременно он критикует взгляд, что беспрецедентные различия между минимальной и макси-

мальной зарплатами, ставшие столь характерной чертой последних полутора десятков лет, являются неизбежным результатом наблюдавшегося в 90-е гг. прошлого века роста динамики экономической жизни; причем эти различия трактуются скорее как результат добровольного согласия граждан с противоречащей законам этики, хотя в большинстве своем законной, корпоративной практикой. К тому же автор обращает внимание на выступающий впервые в таком масштабе рост роли масс-медиа в формировании рыночного спроса.

Джон Кеннет Галбрайт, один из самых читаемых авторов книг по экономическим вопросам и признанный авторитет в области современной мировой экономики, остается неизменно ярким противником стереотипных рассуждений и так называемой *conventional wisdom*, то есть иллюзорно истинных и широко распространенных положений, которые, как правило, не находят своих соответствий в действительности и которые легко опровергнуть, применяя инструментарий углубленного умственного анализа. Его изощренное умение вести наблюдения, подкрепленное упомянутым исключительным опытом в публицистической, научной и экспертной работе, снискали ему всеобщее признание. И хотя его определенные взгляды неоднократно вызвали много разногласий, то каждая из всех его свыше тридцати работ вызывала живой интерес читателей.

Похоже дело обстоит и с *The Economics of Innocent Fraud*, тем более, что – имея в виду преклонный возраст автора – эту работу, по всей вероятности, следует считать одним из последних высказываний выдающегося экономиста. Занимаясь ранее вопросами промышленного развития в эпоху современного капитализма, исследуя историю экономических кризисов или же теорию денег, Д. К. Галбрайт постоянно обращался к теме общественного развития. При этом он осознавал его не только в чисто экономических категориях, таких, как производство национального дохода, стимулирование экономического роста, увеличение материального благосостояния или потенциала потребительского рынка, но также, и даже прежде всего, как бихевиоральное и гуманитарное по своей сущности явление. К тому же Галбрайт неоднократно апеллировал к чувству солидарности и межчеловеческим связям, обращаясь к этическим концептам и считая уровень общественного развития воплощением и мерой цивилизационного прогресса.

Будучи сторонником общественного контроля над экономическими процессами, ученый особое внимание в последнее

время уделял беспрецедентному росту силы и независимости международных корпораций, считая этот факт потенциальной угрозой для демократизации общественной жизни и качества жизни граждан. Галбрайт подчеркивает явное расхождение между тем, что он определял словами *unbridled corporate power*, то есть «необузданной» силой корпорации, и зафиксированным в медийном пространстве положительным образом крупных предприятий как самой сущности микро- и макроэкономической эффективности. Он указывает на необходимость опровержения многих распространенных мифов относительно современной экономики.

Отрицая общепризнанную «безошибочность» крупного бизнеса, а также чрезмерные, по его мнению, ожидания, связанные со стимулирующей ролью дерегуляции экономики и маргинализацией значения государства, автор с особой резкостью критикует лавинообразно прогрессирующее имущественное расслоение развитых обществ. Особо суровую оценку получает неоправданный экономическими показателями рост заработной платы менеджеров, который ученый квалифицирует скорее всего не как неизбежный «побочный продукт» преобразованной модели управления, а – прежде всего – как результат ослабления демократического общественного контроля, вызванного чрезмерным ростом корпоративных структур. Преобразование модели управления, связанное с денежным ростом и экспансией масштаба деятельности крупных корпораций, связывается неизбежно с предоставлением менеджерскому уровню все большего количества организационных полномочий и элементов текущего надзора владельцев. С особой наглядностью это видно на примере транснациональных корпораций, в которых дополнительным фактором становится отрыв процесса управления от локальных традиций и социальной обусловленности. Именно там процесс этических расхождений между технократически понимаемой экономической рациональностью и культурно предопределенным чувством справедливости и следуемой пользой проявляется с максимальной силой.

Будучи университетским профессором-эмеритус, обладающим исключительным опытом в сотрудничестве с правительственными учреждениями, Галбрайт с особой пронизательностью замечает сложные взаимодействия между политически обусловленной экономической практикой и приспособленной зачастую к ее потребностям интерпретацией экономической

теории. При этом его особое беспокойство вызывает факт, что разоблаченная им ситуация, хотя и предосудительная с точки зрения этики, не выходит обычно за рамки действующего закона и в связи с этим не поддается автоматическому корректированию в силу выработанных общественных механизмов.

В двенадцати кратких главах, следующих за вступлением личного характера, Галбрайт излагает свое понимание положения вещей и программу исправления сложившейся ситуации. Сравнительно небольшой объем рассуждений не обозначает, однако, того, что автор преуменьшает эту тему или же трактует ее поверхностно. Совсем наоборот, каждое из предложений, несмотря на свою простоту и доступность, имеет здесь большую ценность, понятную особенно в контексте более ранних публикаций автора. Небольшая по объему книга является, как он сам утверждает, равнодействующей многих его более ранних наблюдений и очередным доказательством того, что в особенности сфера экономики и политики легко подвергается многозначным интерпретациям. Поиск истины представляет собой неустанное стремление к сопоставлению представлений и стереотипных мнений с действительностью.

В поисках ответа на вопрос, откуда берется столь большое общественное согласие с упомянутым расхождением между субъективной картиной и объективной истиной экономической действительности, Галбрайт не избегает психологических размышлений, связанных с процессом и сущностью человеческого восприятия. Его глубокий, острый, иногда даже шуточный комментарий служит интересным примером рассуждений о самой природе человека – не столько менеджера, инвестора, налогоплательщика или потребителя, сколько прежде всего человеческой личности с ее репертуаром привычек, предубеждений и стереотипов мышления. Именно преодоление их позволяет, по мнению автора, исправить сложившуюся ситуацию.

Книга Галбрайта появляется на издательском рынке в атмосфере еще свежих разногласий, связанных со скандалом «креативной бухгалтерии» в американских и западноевропейских корпорациях, представляя печальное, впрочем, доказательство правильности долголетних опасений автора. Хотя книга лишена фактографических деталей, она невольно становится универсальным комментарием к обширным сенсационным печатным материалам на тему последней волны финансовых скандалов во всем мире. Кому же она адресована? По

общепонятным причинам книга прежде всего заинтересует как сторонников, так и явных противников и критиков всей деятельности Галбрайта в целом. Охотно, наверное, ее прочитают экономисты и историки экономики, а также социологи и специалисты в области управления. Согласно намерениям автора, самый большой интерес к книге должны, однако, проявить политики-экономисты и главные герои рассуждений: в равной степени – менеджеры крупных корпораций и их конечные клиенты, то есть в конечном счете – рядовые граждане. Произойдет ли это – вопрос, на который скорее следовало бы ожидать пессимистического ответа.

Каролина Бальцеровска-Кватерска

Paweł Skibiński, *Państwo generała Franco. Ustrój Hiszpanii w latach 1936–1967*, Arkana, Kraków 2004, 500 s.

Дискуссия на тему природы франкизма – мотив, все еще появляющийся в историографии предмета. Собственно говоря, она началась уже в период испанской гражданской войны. Именно к этому времени относятся прозвучавшие из республиканского лагеря первые комментарии на тему военного бунта 18 июля 1936 г., которые были согласны в том, что он имел реакционный, антиреформистский и антиреволюционный характер, а его главной целью была защита интересов олигархии. Тогда выделились два направления, интерпретирующие политическую природу франкизма, которые, как утверждает Энрике Морадиельос, автор одной из последних синтетических работ на тему политики и общества в Испании генерала Франсиско Франко, сохранились до настоящего времени¹. Некоторые расценивали франкизм как экстремальный пример традиционной военной диктатуры, другие же усматривали в нем испанский вариант фашизма. Эта вторая интерпретация обрела множество сторонников за пределами Испании в первые годы после окончания второй мировой войны. Перелом в дискуссии на тему природы франкизма наступил в шестидесятые годы, когда Хуан Хосе Линц в

¹ E. Moradiellos, *La España de Franco (1939–1975). Política y sociedad*, Editorial Síntesis, Madrid 2003.

контексте размышлений о тоталитаризме определил франкизм как авторитарный режим. Модель интерпретации, предложенная Линцем, многократно подвергалась критике. Однако она позволила создать более комплексные разработки, которые в принципе принимают интерпретацию франкизма как авторитарного режима.

Работа П. Скибиньского вписывается в вышеупомянутую дискуссию, а автор разделяет интерпретацию, предложенную Линцем. Произведенный им анализ устройства франкистского государства, таким образом, представляет собой новое подтверждение тезиса об авторитарном характере франкизма. Он является в то же время попыткой, как подчеркивает автор во введении, дать ответ на следующие вопросы: строй франкистского государства возник как следствие некоторого конформизма властных элит или был результатом определенного плана, каковы были идеологические источники франкизма, как выглядел процесс формирования франкистских государственных институтов, как государство считалось с автономией действий в сфере, предоставленной обществу, и почему франкистская модель оказалась недолговечной.

Автор основал свои исследования на испанских правовых источниках, опубликованных документах и источниках, находящихся в архивных собраниях, и воспоминаниях и дневниках лиц, исполнявших важнейшие функции в Испании генерала Франко. Он использовал также широкую библиографию, существующую на испанском языке.

Работа состоит из 11 глав, служащих хронологическому показу эволюции строя государства, управлявшегося Франко. В первой подвергнут анализу период между 1936 и 1939 гг., широко известный как гражданская война, а автором справедливо рассматриваемый как этап формирования фундамента устройства франкистского государства. Можно предполагать, что большинство специалистов по данной тематике не согласилось бы, однако, с тем, что Скибиньски использовал для определения военного бунта 18 июля 1936 г. термин «восстание» (С. 24). Значение этого термина, однако, совершенно иное. Во второй главе мы находим обширное описание первых проектов государственного устройства, которые появились в 1939-1942 гг. Как утверждает автор, необходимость заняться текущими делами, т. е. урегулирование политической ответственности республиканцев и ликвидация предписаний, дискриминирующих католическую церковь, сделали невозмож-

ной реализацию проекта устройства Нового Государства, предложенного Серрано Суньером и опиравшегося, по крайней мере отчасти, на фашистские образцы. Следует отметить, что автор совершенно обошел здесь значение международного контекста. Как представляется, отстранение Серрано Суньера, германофила и тогдашнего министра иностранных дел, а тем самым отказ от его проекта государственного устройства, было связано не только (или не столько) с внутренними спорами, сколько скорее с изменением в политике Испании в отношении Третьего рейха, определяемым в испанской историографии как переход от *beligerancia* (боевитости) к *neutralidad* (нейтральности).

В следующих главах, с третьей по одиннадцатую, представлена эволюция строя Испании, отмеченная следовавшими друг за другом *Leyes Fundamentales*, т. е. Основными законами, которые появились в 1942 г. - *Ley Constitutiva de las Cortes* (Закон о кортесах), в 1945-м - *Fuero de los Españoles* (Хартия прав и обязанностей испанцев) и *Ley de Referéndum Nacional* (Закон о национальном референдуме), в 1947-м - *Ley de Sucesión* (Закон о преемственности), в 1958-м - *Ley de Principios del Movimiento Nacional* (Закон о принципах Национального движения), в 1964-м - *Ley de Asociaciones* (Закон об объединениях) и в 1966-м - *Ley Orgánica del Estado* (Конституционный закон), венчающий всю конструкцию государственного устройства. Не углубляясь в описание отдельных глав, следует подчеркнуть, что представление основных законов позволяет читателю обобщенно познакомиться с их содержанием и узнать много подробностей, связанных с их разработкой, что является несомненным достоинством книги Скибиньского. Однако мы необязательно должны соглашаться с размышлениями автора на тему факторов, которые привели к возникновению отдельных законов и с предложенной им интерпретацией их содержания и значения.

В этом контексте вновь возвращается следующий вопрос, который был намечен автором во введении к книге: действительно ли очередные законы были следствием плана, заранее разработанного тогдашними политическими элитами, главным образом, Франко, или результатом приспособления каудильо к изменяющимся условиям. Скибиньски является решительным сторонником тезиса о существовании целостного проекта государственного устройства, основанного на идее централизованной традиционалистской монархии и органичной демократии, который постепенно реализовывался гене-

ралом Франко. Представляется, однако, что анализ хотя бы такого фактора, как международное положение, о котором автор практически не упоминает, позволяет не согласиться с ним. Международный контекст после окончания второй мировой войны, враждебный франкистской Испании, не без оснований многими испанистами считается фактором, имевшим решающее влияние на появление хартии прав, закона о референдуме или закона о преемственности. Эти правовые акты должны были способствовать созданию нового образа Испании, более соответствующего ожиданиям демократических государств Западной Европы, а тем самым облегчить существование франкизма в неблагоприятных условиях обособления на международной арене. Вне всякого сомнения, международный фактор не был единственным, который стоило бы принимать во внимание, но представляется неосторожным о нем забывать. Наконец, остаются внутренние вопросы, которые гораздо более широко рассмотрены автором книги. Аргументация, употребляемая в некоторых местах, однако, слишком упрощена. Примером может послужить попытка объяснения роли Франко в появлении уставов партии, поддерживавшей режим и названной *Falange Española Tradicionalista y de las Juntas de Ofensiva Nacional Sindicalista - FET de las JONS*, которая возникла в 1937 г. путем объединения разного рода правых группировок (консервативных и фашистских). Как пишет автор, ссылаясь на информацию, приводимую Серрано Суньерой, Франко сознательно изъял из проекта фрагменты, делающие возможным лишение его исполняемых функций. По мнению Суньеры, это значило, что Франко стремился к ничем не ограниченной власти. Скибиньски утверждает, что это было скорее следствием «специфического понимания [Франко] своей роли как основателя нового государства. Концом исполнения им функции могло быть лишь ее исполнение или смерть» (С. 45). Данный тип аргументации, опирающийся на ссылки на убеждения Франко как на элемент, позволяющий объяснить эволюцию политического устройства Испании, не представляется, однако, достаточным, хотя несомненно, что в авторитарных режимах персонального характера, а франкизм был таковым, убеждения имевшего власть играли необычайно важную роль. Заслуживает внимания также тенденция к оправданию действий Франко, которая возникает, вероятно, из нескрываемой автором симпатии к каудильо. В некоторых местах она ведет даже к некоторому отсутствию критицизма,

ибо как иначе можно объяснить следующий фрагмент: «Испанцы в своем подавляющем большинстве действительно верили каудильо, о чем свидетельствуют, в частности, результаты референдума 1947 года. Они были наверняка ему благодарны за введение порядка в стране, измученной гражданской войной и давними непрерывными политическими конфликтами» (С. 185). Однако маловероятно, чтобы спустя восемь лет после окончания гражданской войны подавляющее большинство испанцев верило генералу, и уж наверняка итоги референдума не могут быть доказательством этого. Это примерно так, как если бы мы извлекали выводы об общественной поддержке ПОРП, опираясь на данные о явке избирателей на участки и результаты выборов в сейм.

Несмотря на некоторую пристрастность автора и неполный анализ внешних и внутренних факторов, которые повлияли на формирование государственного устройства Испании генерала Франко, книга имеет несомненную ценность для читателя, интересующегося историей современной Испании. Следует ценить ее за точное указание отдельных этапов формирования франкистских государственных институтов и интересные размышления на тему идеологических источников франкизма. Это новое слово в дискуссии на тему франкизма показывает, что интерес к эпохе Франко не ослабевает, а книга Скибиньского является прекрасным примером взгляда извне на вопрос, который в Испании по-прежнему вызывает эмоции.

Беата Война

Andrew Williams, *EU and Human Rights – A Study of Irony*, Oxford University Press, 2004

Диалог о правах человека (называемый далее «специфическим диалогом»), который ведет Европейский союз с Китайской Народной Республикой, представляет собой наиболее организованную, а также наиболее цельную, формализованную и институционализированную форму общения Европейского сообщества с внеевропейским партнером в этой области. Цель данной рецензии – более критический взгляд на евросоюзную политику пропаганды и защиты прав человека и

являющийся ее частью «специфический диалог», чем тот, который в многочисленных документах и разработках (зачастую субъективных) представляет сам ЕС². Я выбрала книгу профессора Эндрю Уильямса³ под названием *EU and Human Rights – A Study of Irony*, так как чтение ее помогает поместить «специфический диалог» в контекст не только совокупности отношений ЕС с зарубежными странами в области прав человека, но также деятельности Сообщества по пропаганде и защите человеческих прав на территории государств-членов. Книга тем более заслуживает внимания, что ее автор не только указывает ошибки и недоработки ЕС, но и рассматривает их причины, прогнозирует опасности, связанные с их наличием, и определяет оптимальные способы их устранения. Широкий контекст и глубокий анализ проблемы наглядно демонстрируют, по мнению проф. Уильямса, критическое и даже ироническое отношение международного общественного мнения к деятельности ЕС на ниве пропаганды и защиты прав человека, что подрывает авторитет Европейского сообщества как мирового «посла» в этой области. Автор полагает, что с целью формирования собственного серьезного, достойного доверия и авторитетного имиджа в международных кругах ЕС должен отказаться от «мифов», определяющих его юридические основы и политические действия. Эти ложные представления углубляют диссонанс между риторикой и реальными действиями Евросоюза. Они накладывают отпечаток как на законодательство Сообщества, так и на его дипломатическую практику. По мнению автора, «мифы» являются главной

---

² См.: *European Union Annual Report on Human Rights 1999* (до 2004 г.), Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities; *EU Guidelines on Human Rights Dialogues*, European Council, December 2000; *A maturing partnership- shared interests and challenges in EU-China relations*, Policy Paper for Transmission to the Council and the European (Updating the European Commission's Communications on EU-China relations of 1998 and 2001), Commission of the European Community Brussels, 10/09/03, COM(2003) 533 fin.

³ Проф. Эндрю Уильямс является научным сотрудником Департамента политики и международных отношений Кентского университета. Его исследовательскими интересами являются всеобщая история, международные отношения и разрешение конфликтов. К числу его главных публикаций относятся: *Conflict Resolution after the Cold War: The Case of Moldova* (1999); *Failed Imagination? New World Orders of the Twentieth Century*, Manchester University Press 1998; *Reorganizing Eastern Europe: European Institutions and the Refashioning of Europe's Security Architecture*, Aldershot, Dartmouth Publishing 1994.

причиной несогласованности политики ЕС в области прав человека, которая неблагоприятно сказывается на эффективности организации как международного защитника человеческих прав и свобод.

Критический подход проф. Уильямса относится в определенной степени также к «специфическому диалогу» ЕС-КНР. Выбирая наиболее тесно связанные с темой рецензии и наиболее характерные фрагменты публикации, я представляю скептический, а порой даже иронический взгляд автора на всю евросоюзную политику в области прав человека. Благодаря такому подходу я намерена дать наиболее объективную и поликонтекстную картину «специфического диалога». Собственно рецензию я предворяю вступлением, который в синтетической форме представляет (на основе евросоюзных документов и обширной научной литературы) генезис, развитие и нынешнее состояние евросоюзной политики в области прав человека в отношении Китая с точки зрения ЕС.

До конца 80-х годов прошлого века международная общественность удерживалась от более глубокого анализа и явной критики положения с правами человека в Китае. В отношениях между Европейским экономическим сообществом и КНР в период до 1989 г. права человека также играли минимальную роль. Взаимоотношения опирались в то время главным образом на развитие экономических связей. Кровавое подавление пекинскими властями продемократических демонстраций на площади Тяньаньмынь 4 июня 1989 г. и последовавшие за этим репрессии в отношении продемократической оппозиции подтолкнули ЕЭС к критике китайского руководства в связи с нарушением прав человека, как в билатеральных контактах, так и на международных форумах. В течение пяти лет ЕЭС (с 1993 г. ЕС) инициировал и поддерживал выдвигаемые в рамках женеvской Комиссии по правам человека (*Commission on Human Rights - CHR*) проекты осуждающих Китай резолюций. Каждый раз Пекин блокировал их, пользуясь процедурой резолюции *no action*⁴. Лишь в 1995 г. сторонникам антикитайской резолюции удалось собрать большинство голосов, необходимое для принятия проекта и выдвижения его на обсуждение, но и в тот раз попытка принятия осуждающей Китай резолюции не дала результата.

---

⁴ Принятие антирезолюции блокирует возможность появления на форуме CHR резолюции, осуждающей (в данном случае) Китай.

В середине 90-х гг. КНР обнаружила заинтересованность в начале диалога с ЕС в области прав человека. Гибкими партнерами в дискуссии оказались главные «игроки» евросоюзной внешней политики, руководствовавшиеся желанием укрепления многоаспектных отношений с наращивающим мощь Китаем. Первая встреча с рамках «специфического диалога» в области прав человека ЕС-Китай произошла в 1995 г. Однако по-прежнему конфронтационная позиция государств ЕС на форуме *CHR* представляла собой, по мнению Китая, политическое препятствие, перечеркивающее дальнейшее развитие взаимоотношений между Брюсселем и Пекином. Чтобы это подчеркнуть, после сессии 1996 г. КНР приостановила встречи в рамках «специфического диалога». В 1995 г. государства ЕС в последний раз единогласно высказались за антикитайскую резолюцию. Первой в 1996 г. сломалась Франция, а за ней последовали Германия, Италия, Испания и Греция. В том, что конфронтационная позиция в отношении Китая не приносит ни финансовой пользы, ни морального удовлетворения, убедились Голландия, которая в 1997 г. подготовила проект резолюции, и Дания, которая его представила. Проект не был поддержан ни остальными государствами-членами ЕС, ни достаточным количеством других членов Организации Объединенных Наций, а в результате его представления как Голландия, так и Дания испытали дипломатические трения в отношениях с Китаем и подверглись экономическим санкциям со стороны КНР.

Китай согласился возобновить с ЕС «специфический диалог» в 1997 г. Год спустя в новой стратегии по отношению к Китаю под названием *Building a Comprehensive Partnership with China* Европейская комиссия заявила, что на фоне общего развития европейско-китайских отношений улучшение положения с правами человека в Китае отныне она будет рассматривать как долговременную цель, достижение которой будет поэтапным и поставленным в зависимость от развития других сфер сотрудничества. В 1998 г. ЕС также решил, что не будет представлять на форуме *CHR* совместных проектов антикитайских резолюций и что ни одно из пятнадцати государств не станет ни делать этого по собственной инициативе, ни поддерживать проектов, представляемых другими членами *CHR*. Взамен за это Президентура должна была сослаться на положение с правами человека в Китае в инаугурационном

заявлении во время ежегодной сессии *CHR*. Этот обычай сохранился до настоящего времени.

Итак, с 1989 г. ЕС перешел от публичной критики Китая на многосторонних форумах к двустороннему, более деликатному и настроенному на компромисс «специфическому диалогу» в области прав человека. Данное изменение сопровождалось упреками в том, что ЕС отказался от эффективной формы нажима в пользу не приносящих конкретных результатов переговоров, предпочитая единую позицию ЕС борьбе за соблюдение прав человека в Китае. Вместе с развитием «специфического диалога» появились новые критические аргументы. Наиболее часто повторяемые – это недостаточная последовательность, отсутствие целостности и недостойность доверия. Признавая справедливость вышеизложенной критики, нельзя, однако, упускать из виду тот аргумент, что, несмотря на все свое несовершенство, политика ЕС в области защиты прав человека и пропаганды развития является сферой, в которой существует наибольшая согласованность в рамках совместной внешней политики ЕС. Вместо того чтобы указывать на ее недостатки и трудности в достижении согласия государств-членов по спорным вопросам, стоило бы задуматься над тем, каким образом ее усовершенствовать, чтобы она отличалась внутренней и внешней согласованностью, цельностью и могла вызывать доверие. Это имеет большое значение особенно в случае переговоров с партнером формата КНР, в отношении которого стратегия осуждения на международном форуме, опирающаяся на риторику обвинений и угроз со стороны несогласных, а иногда даже рассорившихся между собой государств Европы, неэффективна. Лишь говорящий решительным тоном ЕС в состоянии обрести признание Государства Центра и стать в глазах такой страны равноправным партнером, с мнением которого следует считаться.

В книге *EU and Human Rights – A Study of Irony* проф. Уильямс полагает, что критика проблемы без представления причин ее появления и конкретных предложений по ее решению лишена сколько-нибудь глубокого смысла. Поэтому главным мотивом книги является подробный анализ эволюции концепции прав человека в Европейском сообществе, критическая оценка ее нынешней формы и представление конкретных предложений реформ ЕС, как институциональных, так и в области политической практики. По мнению автора, самой большой проблемой, с которой столкнулась евросоюзная политика в

сфере прав человека, является «расхождение» (*bifurcation*)⁵, называемое другими авторами «нецельностью» (*incosistency*) или «неоднородностью» (*incoherence*), которое особенно заметно образовалось между ее внутренним и внешним аспектами. Это «расхождение» проявляется в отношении к способу дефинирования⁶ Европейским союзом прав человека – суженному (опирающемуся главным образом на европейскую систему прав человека) по отношению к государствам-членам, а также к евросоюзным институтам и широкому (принципы универсальной системы прав человека) во взаимоотношениях с зарубежьем. Речь здесь идет в особенности о (коллективных) правах меньшинств и праве на развитие, соблюдение которых во многих случаях ЕС пропагандирует и отстаивает более за границей, чем на территории государств-членов. «Расхождение», а иногда даже «пропасть» между внутренним и внешним аспектами евросоюзной политики в области прав человека касается также, по мнению автора, способа надзора⁷ и требования⁸ исправления положения в этой сфере внутри ЕС и за его пределами. В вышеуказанном контексте автор ссылается на утверждение Эндрю Клэпэма, что евросоюзная политика в области прав человека, «как представляется, концентрируется лишь на поведении стран внеевропейских», что «подрывает ее цельность в глазах остального мира»⁹. Аргументируя вышеизложенные упреки, он добавляет, что Европейская комиссия неактивна в области пропаганды и защиты прав человека внутри государств-членов и между ними, так как была уполномочена на осуществление действий лишь в сфере «заключенных в Договоре фундаментальных ценностей»¹⁰.

По мнению автора, самым существенным вызовом, перед которым стоит ЕС, является не только сглаживание «различий», но прежде всего устранение лежащих в их основе причин. Профессор Уильямс подчеркивает, что в вышеизложенном контексте существенной проблемой является сильно укорененный среди европейцев идеализированный образ Сообщества как образования, построенного на этосе признания

---

⁵ См.: Andrew Williams, *EU and Human Rights...*, pp. 194-202.

⁶ *Ibidem*, pp. 79-94.

⁷ *Ibidem*, pp. 94-105.

⁸ *Ibidem*, pp. 105-110.

⁹ *Ibidem*, p. 7.

¹⁰ *Ibidem*.

прав человека, поэтому по самой своей природе гарантирует их соблюдение и исключает возможность отсутствия уважения к ним. Мифологизация ЕС как образца защиты человеческих прав и превращение их в (зачастую оторванный от действительности) символ ведет к ложному выводу, что проблема нарушения прав человека в Европе исчезла в момент институционализации региональной системы прав человека и поэтому не касается ныне государств-членов ЕС. На практике такой подход приводит к пренебрежению развитием системы мониторинга за положением с правами человека в границах Европейского сообщества, а за этим следует отсутствие требования признания некоторых прав человека, в том числе тех, соблюдение которых ожидается от третьих государств. Не менее серьезной проблемой, по мнению проф. Уильямса, является оторванность идеи прав человека от практических действий ЕС в контактах с другими акторами международных отношений. Это проявляется в применении Сообществом «двойных стандартов» (не только по линии ЕС – зарубежные страны, но и в неодинаковом отношении к другим партнерам), а также, что за этим следует, в инструментальном использовании прав человека с целью реализации экономических или политических интересов ЕС и его членов. Присутствующая во внешней политике ЕС несогласованность между риторикой защиты прав человека и действиями, направленными на достижение эгоистической пользы, приводит, по мнению проф. Уильямса, к утрате доверия к ЕС, необходимого для реализации целей в области прав человека. Кроме того, это формирует «ироничную дистанцию» (*ironic distance*)¹¹ международного сообщества в отношении к действиям ЕС как организации, одним из приоритетов которой (как она декларирует, в частности, в новейшей стратегии в отношении КНР) является пропаганда и защита прав человека, что, по мнению автора, может поставить под вопрос развитие «европейского проекта» (идеи, опирающейся на уважение к правам человека) как целого.

Проф. Уильямс утверждает, что существенное значение для уменьшения «несогласованности» евросоюзной политики в области прав человека имеет отказ ЕС от сильно укрепившегося в европейской ментальности представления о превосходстве западных моделей нравственности и этики, которые

---

¹¹ *Ibidem*, p. 198.

должны перенять от европейцев другие культуры и нации. По мнению автора, вышеизложенный «миф» происходит, главным образом, из убеждения в существовании наследия человеческих прав и свобод, которое передают друг другу очередные поколения европейцев, и связанного с ним представления о ЕС как «естественном наследнике»¹² этоса европейских ценностей. По мнению автора, из представления об исключительности европейской цивилизации, выросшей из греко-римской, иудео-христианской традиций и традиции Просвещения, следует видение специфически европейского режима прав человека, а вера в существование вырастающего из европейской цивилизации наследия лежит в основе мифологизации ЕС (признаваемого наследником исторических достижений отдельных государств-членов) как образца соблюдения прав человека. Противореча образу Европы как непорочного защитника человеческих прав и свобод, автор ссылается на Поля Рикера, по мнению которого, «история Европы жестока» и несвободна от религиозных и колониальных войн, порабощения или уничтожения этнических меньшинств, а также подавления меньшинств религиозных¹³. Уильямс вслед за Рикером предупреждает, что «будущее может быть искажено (...) до формы мистифицированного дискурса»¹⁴, что, по мнению автора, свидетельствует о полном лицемерии риторики, используемой ЕС в рамках помощи развитию, а особенно во взаимоотношениях с развивающимися государствами, которые он даже воспринимает в качестве «нецивилизованных». Относя вышеизложенные аргументы к «специфическому диалогу», следует упомянуть, что ЕС рассматривает КНР скорее как равноправного партнера, чем сферу цивилизационных влияний. Тем не менее, разъясняя пекинскому правительству, например, необходимость введения безусловного запрещения смертной казни, ЕС должен помнить, что Китай является с этой точки зрения примерно на том этапе развития, на котором Франция была в 30-е гг. XX века.

Автор обращает внимание, что сильное чувство построенной на уважении к правам человека «европейской идентичности»¹⁵ приводит к углублению разделения на «мы», «такие

---

¹² *Ibidem*, p. 158.

¹³ *Ibidem*.

¹⁴ *Ibidem*, p. 161.

¹⁵ *Ibidem*, глава 7.

же» – лучшие (европейцы) – и «они», «чужие» – худшие (иностранцы, эмигранты, беженцы). Вследствие этого дихотомия, возникающая из коллективной идентификации европейцев, закрепляет как общественные разделы внутри самого ЕС, так и политику дискриминации во взаимоотношениях Сообщества с третьими государствами. Это непосредственно относится к проблеме соблюдения прав человека – разделение на «высшую» (*superior*) и «низшую» (*inferior*) нравственность и лучшие и худшие системы ценностей. По мнению проф. Уильямса, из убеждения в элитарности европейской модели прав человека вытекает чувство «цивилизационной миссии» (*civilizing mission*)¹⁶, в рамках которой Европа претендует на роль мирового «хранителя прав человека», который имеет право навязывать другим цивилизациям их собственную дефиницию. В данном контексте существенное значение имеет, по мнению автора, сохранение в памяти совершенных европейцами в прошлом актов нарушения прав человека на других континентах, мотивированных европоцентризмом, колониализмом или империализмом, о которых не желают помнить сами европейцы и новой формы которых (в частности, экономического неоколониализма) опасаются их современные партнеры¹⁷. Относя вышеизложенную критику к «специфическому диалогу» ЕС-КНР, следует обратить внимание, что проф. Майкл Ягуда в работе под названием *The European Union: A Separate Voice*¹⁸ подчеркивает достоинства европейского, неконфронтационного и направленного на компромисс подхода в таких «тонких вопросах, как права человека». Автор подчеркивает, что европейцы способны получить в рамках переговоров с КНР «более выгодные ответы», чем американцы. По его мнению, большое значение имеет в этом смысле отсутствие присущих американцам «миссионерских поползновений на изменение [общественно-политической системы. – М. К.] Китая по собственному образу и подобию». Из вышеизложенного вытекает, в частности, факт, что Пекин не обвиняет Брюссель во «вмешательстве во внутренние дела» и «проведении политики сдерживания» растущего могущества Китая.

¹⁶ *Ibidem*, p. 200.

¹⁷ *Ibidem*, гл. 2, 3 и 8.

¹⁸ См.: M. Yahuda, *The European Union: A Separate Voice* // R. Mayers, M.C. Oksenberg, D. Shambaugh (eds.), *Making China Policy. Lessons from the Bush and Clinton Administrations*, LanHam, M.D.: Rowman & Littlefield Publishers, 2001, pp. 223-240.

Проф. Ягуда подчеркивает также эффективность «прагматического подхода» ЕС к отношениям с Китаем, который приносит результаты «не только в сфере бизнеса». Автор не отрицает европейских претензий на создание специфически европейской идентичности на международной арене и ценит значение евросоюзного «характерного подхода», который представляет собой отдельный «дипломатический голос» Запада в диалоге с Китаем. Более того, автор убеждает, что европейский «характерный подход» не остается без влияния на позицию США в отношении к этому государству и что обоюдным выгодным вариантом были бы регулярные двусторонние консультации, более тесная координация позиций и даже институционализация сотрудничества в сфере совместной политики Запада (т. е. ЕС и США) в отношении Китая.

Содержащаяся в книге проф. Уильямса критика с точки зрения многих аргументов может быть признана обоснованной, но не без возражений. Прежде всего следует заметить, что в евросоюзной «системе» прав человека происходят хотя и мелкие, но с точки зрения диалога с другими культурами значительные изменения. В 2001 г. Европейская комиссия заявила, что «внешние отношения [ЕС. – М. К.] будут формироваться в соответствии с законами и принципами, содержащимися в принятой в 2001 г. Хартии основных прав (...), с целью пропаганды единства между внутренними и внешними отношениями». Эту тенденцию подтвердил бывший комиссар по внешним делам Крис Паттен, который в том же году заявил, что «Хартия является важным элементом усилий ЕС, направленных на обеспечение единства между внутренней и внешней политикой в области прав человека»¹⁹. Что существенно, в документе не содержится ссылка на Всеобщую декларацию прав человека, врожденного достоинства и неотъемлемых человеческих прав. В этом свете как человеческое достоинство, так и право на жизнь перестают быть в понимании ЕС абсолютом, что в контексте межцивилизационной (в частности, Запад – Восточная Азия) дискуссии на тему международных стандартов прав человека обретает особое значение, также в отношении «специфического диалога» ЕС-КНР.

Делающий ставку на компромисс и конструктивное сотрудничество диалог в области прав человека ЕС с Китаем является лучшим примером отхода первого от миссионерской

---

¹⁹ A. Williams, *op.cit.*, p. 84.

позиции – Европейское сообщество признает как различие ценностей, так и специфический путь исторического развития прав человека в КНР. «Специфический диалог» является также примером признания иных, чем на Западе, ценностей. Диалог в области прав человека с Китаем может принести пользу самому ЕС, открывая его к положительным элементам конфуцианской системы ценностей (в частности, индивидуалистские ценности могут быть дополнены ценностями коллективистскими, что может способствовать сдерживанию атомизации западных обществ) и совершенствуя образ самого Сообщества в области соблюдения прав человека. В более широком контексте ЕС начинает отдавать себе отчет в том, что решение проблемы нарушения прав иностранцев на территории государств-членов является первым шагом к укреплению его авторитета на международной арене и что лишь соответствующее международным стандартам отношение к иностранцам, а в особенности к иммигрантам и признающая права беженцев политика предоставления убежища на территории ЕС дадут европейцам сильные аргументы в переговорах, в частности, на тему отношения властей КНР к северокорейским беженцам. В изданном впервые в 1999 г. годовом отчете на тему прав человека ЕС подчеркнул необходимость борьбы с расизмом в Европе. С того времени деятельность, направленная на предотвращение, выявление актов расизма и борьбы с ним как на территории ЕС, так и за его пределами, стала одним из предметов заинтересованности евросоюзной политики в области прав человека.

Таким образом, работа проф. Уильямса не является бездумным перечислением ошибок и недостатков политики ЕС в области прав человека. По мнению автора, важно не только вскрытие несовершенства основных принципов, на которые опирается эта политика, но прежде всего понимание их причин. Так же важно отдавать себе отчет в значительности нынешних и потенциальных последствий углубляющихся в ее рамках «несогласованностей», а в результате в необходимости ее кардинального реформирования. Проф. Уильямс полагает, что лишь устранение неоднородности, непоследовательности и ханжества евросоюзной политики в области прав человека сделает возможной ее положительную эволюцию. В то время, когда многие авторы убеждают, что с целью достижения большей эффективности внешней политики в области пропаганды и защиты прав человека ЕС нуждается в самокритике и трезвой

оценке ситуации у себя в доме, проф. Уильямс делает следующий шаг вперед, ставя устранение «несогласованности» в зависимости не столько от сознания ее наличия (т. е. самокритичного взгляда), но прежде всего от способности к основательному пересмотру ее договорных и идеологических фундаментов. В заключение автор подчеркивает, что без серьезного отношения на международной арене к евросоюзной политике в области прав человека невозможно себе представить дальнейшее развитие Сообщества как организации, одной из самых важных целей которой (в перспективе даже ведущей) является пропаганда и защита человеческих прав. Проф. Уильямс не дискредитирует евросоюзную деятельность в области прав человека в мире вообще, однако обращает внимание на ее серьезные недостатки, от устранения которых зависит ее эффективность. Автор иногда демонстрирует бескомпромиссно критический, но не лишенный оптимизма подход, знание которого в кругах европейских элит может иметь существенное значение для дальнейшего формирования и совершенствования евросоюзной внешней политики в области прав человека, в том числе в отношении Китая.

Относя мысли, содержащиеся в работе проф. Уильямса, к диалогу ЕС-КНР, следует принять во внимание, что «специфический диалог» ЕС-КНР (до сих пор единственный в своем роде), который, используя главным образом мягкую силу убеждения (что способствует созданию положительной атмосферы двусторонних отношений), может стать первым проявлением создания Евросоюзом новой культуры переговоров в рамках внешней политики. Он может также дать утвердительный ответ на содержащийся в заключении работы проф. Уильямса вопрос, предпринимает ли ЕС попытки борьбы с проводимой европейскими государствами на протяжении веков политикой в области прав человека, опирающейся на идеологию дискриминации и дискредитирования ценностей, составляющих нравственность других культур.

Марта Космая

Соколов Б. В. Сталин: власть и кровь. – Москва: АСТ - ПРЕСС КНИГА, 2004. – 400 с.

Кандидат исторических наук, доктор филологических наук, профессор кафедры социальной антропологии Московского государственного университета Борис Вадимович Соколов — автор более 20 книг и 500 статей. В этом ряду — биографии М. Н. Тухачевского, Л. П. Берии, Г. К. Жукова, В. И. Сталина. Новая книга Б. В. Соколова посвящена жизни, политической и государственной деятельности Иосифа Виссарионовича Сталина — одной из самых загадочных и зловещих фигур мировой истории. До сих пор среди ученых и публицистов ведутся ожесточенные споры о его значимости, причем одни авторы восхваляют великого «вождя всех времен и народов», другие испытывают к нему неприязнь и даже открытую ненависть. В данной связи попытку В. Б. Соколова, автора целого ряда книг, статей и рецензий по сталинской тематике, внести свою лепту в изучение феномена Сталина можно лишь приветствовать.

Хотя работа Соколова вышла в серии «Исторические расследования», она носит научно-популярный характер и уже поэтому не может претендовать на исчерпывающее исследование, основанное на глубоком анализе введенных в оборот материалов, прежде всего архивных. Автор использовал отдельные работы, документальные публикации и мемуарную литературу последних лет о Сталине и его эпохе, вышедшие в свет на русском языке. Он вводит в оборот интересный архивный документ — дневник журналиста М. Я. Презента, который хронологически охватывает конец 1920-х гг. Дневник сохранился в личном фонде Сталина в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ).

В предисловии Б. В. Соколов излагает свое авторское кредо в отношении Сталина. Он отмечает, что на Западе плоды «культурно-политического проекта» Сталина воспринимались и порой продолжают восприниматься как «нечто оригинальное и величественное» исключительно благодаря монументальности форм и грандиозности замысла, а также подчеркивает: в отличие от «проектов» Адольфа Гитлера и Бенито Муссолини, сталинские замыслы успели «в основных чертах воплотиться в жизнь». В то же время некоторые авторы предпочитают выставлять автора в карикатурном виде, смешным и нелепым, злобным и глупым диктатором, отличавшимся некомпетентно-

стью и создававшим помехи настоящим специалистам-профессионалам.

Свою задачу Б. В. Соколов видел в том, чтобы не писать со Сталина ни икону, ни пародию, ни карикатуру. Цель автора новой сталинской биографии — создание не парадного, а, по возможности, объективного, хотя и не беспристрастного портрета. Попробуем разобраться, насколько успешно Б. В. Соколов справился со своей задачей и достиг ли поставленной цели.

Книга построена по хронологическому принципу. Б. В. Соколов шаг за шагом, начиная с детских лет и вплоть до кончины, прослеживает жизненный путь Сталина. Совершенно уместно автор напоминает о том, что подлинная дата рождения И. В. Джугашвили (Сталина) — 6(18) декабря 1878 г., а не 9(21) декабря 1879 г.

По мнению Соколова, не противоречат друг другу два различных по содержанию объяснения Сталиным причины исключения из Тифлисской духовной семинарии (1899 г.), куда он поступил в 1894 г.: невозможность продолжать обучение за неимением средств и причастность к нелегальным марксистским кружкам. По мнению Соколова, семинарское начальство, узнав о политической неблагонадежности И. В. Джугашвили, все-таки решило не акцентировать на этом внимания, а оформило его исключение из семинарии по другим, «экономическим» причинам (С. 16-17).

Далее Б. В. Соколов рассказывает о начале революционной деятельности Сталина, о его пребывании в ссылках и побегах из них. Касаясь имеющих до сих пор хождение в литературе версий о провокаторстве Джугашвили, его сотрудничестве с царской охранкой, Соколов отмечает, что ни одна из них «так и не получила сколько-нибудь серьезных доказательств» (С. 26).

Эмоциональное описание тех мытарств, которые испытывал Сталин в ссылке, особенно когда он оказался в заполярной Курейке (почти полное безденежье, плохое питание, простудные заболевания), способно вызвать сочувствие. Но, оказавшись в «водовороте революции», бывший «бедный Сосо Джугашвили» воспрянул духом. Б. В. Соколов считает, что к 1917 г. Сталин стал одним из четырех вождей большевистской партии, наряду с В. И. Лениным, Л. Д. Троцким и Г. Е. Зиновьевым. Однако в этой «четверке» он оставался на последнем месте, а его выдвижение на первые позиции оказалось лишь

вопросом времени. По мнению автора рецензируемой книги, выдвижению Сталина на первый план в борьбе за власть в большевистском руководстве способствовали два фактора: слабое здоровье Ленина и неумение Зиновьева и Троцкого грамотно вести внутривнутрипартийную борьбу.

Ко времени гражданской войны относится знаменательное событие в личной жизни будущего вождя: он повстречал Надежду Сергеевну Аллилуеву, «настоящую восточную красавицу», как называет ее Б. В. Соколов, и влюбился в нее. В 1919 г. Сталин женился на Н. А. Аллилуевой: этот был его второй брак после того, как в 1907 г. умерла первая жена Е. Сванидзе.

Автор книги не оставляет без внимания такой важный этап в становлении своего героя, как период пребывания в Царицыне. По наблюдению Б. В. Соколова, именно находясь в этом городе, обложенном со всех сторон казаками атамана П. Н. Краснова, Сталин впервые прибегает к широкомасштабному террору как к одному из основных средств для удержания власти. «В дальнейшем, — делает вывод Соколов, — это стало для него главным принципом... Сталин всегда играл на опережение, уничтожая не только действительных, но и возможных противников — тех, кто, как он подозревал, в будущем мог выступить против него».

Излагая подробности сталинской борьбы за абсолютную власть, автор книги приводит хорошо известные факты политического противоборства будущего вождя вначале с Троцким, а затем — с Зиновьевым, Каменевым, Бухариным. Соколов отмечает одно из важнейших, на его взгляд, качеств, помогавшее Сталину в борьбе за власть, а именно: постепенность. Он не старался форсировать события, шел на временные соглашения с союзниками против противника, которого он считал наиболее опасным в данный момент. При этом в подходящий момент умел отказываться от услуг временных союзников, но делал это так, что инициатива разрыва исходила от его прежних политических партнеров.

Соколов не уходит от вопроса о причастности Сталина к убийству его жены Н. С. Аллилуевой и одного из ближайших соратников — С. М. Кирова. В обоих случаях он, в отличие от некоторых любителей «жареных фактов», спокойно отвергает обвинения в сталинский адрес. По мнению Соколова, нет оснований сомневаться в том, что Надежда Аллилуева покончила с собой, а Киров пал жертвой убийцы-одиночки. Вообще, пишет

он, Сталин «лично никого никогда не убивал и, скорее всего, даже не умел стрелять из пистолета».

Зато большевистский вождь оказался непревзойденным мастером в деле организации «большого террора», поглотившего жизни сотен тысяч людей. По мнению Б. В. Соколова, развернув в 1936—1938 гг. кампанию массового террора против бывших представителей внутрипартийной оппозиции и вообще против всех «неблагонадежных» в рядах партийной и советской номенклатуры, Сталин имел целью устранить не только «любых потенциальных конкурентов и их возможных сторонников в борьбе за власть», но и стремился укрепить тыл в преддверии неизбежной Большой войны против «капиталистического окружения». Для этого просто «убирался» целый слой людей, преимущественно тех, кто начинал свой путь в революцию еще в начале XX века.

Основываясь на документальных данных, Б. В. Соколов пишет, что за 1937-1938 гг. органами НКВД было расстреляно около 682 тыс. человек, а всего за период сталинского правления (1921-1953 гг.) казнено по политическим мотивам около 793 тыс. Конечно, эти цифры на порядок ниже тех, которые приводились в ряде антисталинских и антисоветских трудов на Западе, но Соколов с лихвой «компенсирует» приведенные показатели в заключительной части книги. По его подсчетам, «примерные» общие демографические потери СССР за время правления Сталина составили 53 378 тыс. чел. Правда, эта цифра представляется крайне преувеличенной. Так, по мнению Соколова, общие потери Вооруженных сил и гражданского населения Советского Союза за годы войны 1941-1945 гг. составили 43 300 тыс. чел., что по меньшей мере на 16 300 тыс. больше официально признанной в российской исследовательской литературе.

В книге В. Б. Соколова большое внимание уделено роли Сталина в подготовке страны к вооруженному противоборству с Германией и его деятельности как государственного руководителя и полководца в 1941-1945 гг. Соколов не сомневается, что в мае-июне 1941 г. Сталин готовился к наступательной войне против Германии. На это было направлено стратегическое планирование, производство военной техники, к такому обороту событий готовили личный состав Красной Армии и гражданских людей большевистские идеологи и пропагандисты. О необходимости отказаться от «пацифистских настроений» и начать перестройку пропаганды и агитации в духе

«всесокрушающей наступательной войны» говорил Сталин на приеме выпускников военных академий РККА 5 мая 1941 г. Его указание тут же было взято на вооружение и реализовано в начавшейся политико-идеологической кампании под лозунгом наступательной войны.

Однако суровая действительность показала, насколько пропагандистские установки и стратегические планы Генштаба Красной Армии далеки от реальности. По мнению Б. В. Соколова, хотя по своим количественным показателям (личный состав, число орудий, танков, боевых самолетов) советские войска значительно превосходили противостоявшие им соединения вермахта, по уровню боевой подготовки и управления они значительно уступали Германии на протяжении всей войны 1941-1945 гг. Если бы советские генералы, рассуждает автор, могли посмотреть правде в глаза и реально оценить состояние Красной Армии, то им следовало убедить Сталина, что в ближайшее время она не сможет успешно наступать.

Рассматривая деятельность Сталина в годы войны 1941–1945 гг. как «вождя и полководца», Б. В. Соколов не склонен преувеличивать заслуги своего героя. Он не желает разбирать сталинские ошибки в руководстве борьбой на советско-германском фронте. Подлинным полководцем Сталин не был – так считает автор. Он был лишь политиком и стратегом. И этого оказалось вполне достаточно, чтобы выиграть такую тяжелую войну. По мнению Б. В. Соколова, победа была невозможна, если бы не существовало сталинской тоталитарной системы, которая была не способна на рациональное ведение войны, а преодолевала врага ценой очень большой крови. К этому можно добавить, что свой вклад в победу над общим врагом — нацистской Германией и ее сателлитами — внесли союзники СССР по антигитлеровской коалиции. В книге Соколова о роли Сталина в создании и деятельности этой коалиции почти ничего не сказано, но он не упускает возможности отметить проблемы во взаимоотношениях с союзниками, главным образом — на уровне межличностного общения глав союзных держав.

Из войны 1941-1945 гг. советский народ, потерявший свыше 27 млн. чел, вышел победителем, а Сталин — подлинным триумфатором. Однако послевоенная эпоха оказалась для «вождя всех времен и народов» трудным временем. Он быстро старел, а проблемы управления супердержавой требовали много сил и ума. Почти скороговоркой Б. В. Соколов

повествует о наступлении эры «холодной войны», когда между бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции — СССР и западными демократиями — стали назревать серьезные противоречия. Останавливается он на кампании по борьбе с «космополитами», которая была необходима прежде всего для создания образа врага, что служило задаче консолидации советского народа в нараставшем противостоянии с Западом. Критически оценивает Б. В. Соколов сталинское теоретическое наследие, имеем ли мы дело с произведениями о законах развития природы и общества, «социалистической экономике», или с марксистской интерпретацией вопросов языкознания. Везде в сталинских теоретических построениях, как считает Соколов, можно обнаружить логические противоречия, он не учитывал всей диалектической сложности и противоречивости процессов развития.

Книга Б. В. Соколова читается с интересом. Автор работал увлеченно, стараясь дать собственную интерпретацию уже хорошо известных и известных еще недостаточно документальных материалов о Сталине и сталинской эпохе.

Однако не во всем можно согласиться с автором. Например, вызывают сомнения произведенные Соколовым подсчеты «человеческой цены» сталинской эпохи, которые трудно отнести к разряду строго выверенных. Б. В. Соколов зачастую злоупотребляет обширными цитатами из использованных источников (хотя пишущий эти строки не может скрыть удовлетворения от того, что довольно часто приводятся цитаты из документального сборника «Застольные речи Сталина», автором которого он является). Соколову, к сожалению, не удалось избежать пренебрежительного и снисходительного тона, а иногда и уничижительных характеристик в отношении Сталина. Он якобы «вешал лапшу на уши» У. Черчиллю насчет коллективизации, а тот, в свою очередь, «нисколько не сомневался, что имеет дело с бандитом в маршальской форме». У Соколова Сталин играет с очередной из намеченных жертв «как кот с мышью», спокойно произносит «людоедский тост», а призывники Красной Армии являются для него «простым расходным материалом».

Конечно, трудно писать о сталинской эпохе «без гнева и пристрастия». Но стремиться к этому желательно и даже необходимо.

Владимир Невежин

Ulrich Herbert, *Geschichte der Ausländerpolitik in Deutschland, Bonn, Bundeszentrale für politische Bildung 2004, s. 444.*

Есть немного проблем, которые в публичных дискуссиях Федеративной Республики Германии занимали бы столько места, сколько политика в отношении иностранцев. Ссылки на семь с лишним миллионов проживающих в ФРГ иностранцев являются традиционным мотивом каждой избирательной кампании, как на локальном, так и на федеральном уровнях. Хватает в ее ходе как благосклонных, так и неприязненно настроенных по отношению к эмиграции голосов. Поэтому представляется уместным, что накануне предстоящих парламентских выборов в ФРГ федеральный центр политпросвещения решил опубликовать новое, актуализированное издание одной из самых серьезных книг, посвященной немецкой политике в отношении иностранцев.

Автор монографии, профессор новейшей истории Фрайбургского университета, поставил себе целью опровержение тезиса о том, якобы проблема иностранцев была в ФРГ новым явлением, или же существующим лишь с момента возникновения Федеративной Республики Германии. Как историк, он точно указал, что история политики в отношении иностранцев – это история более ста двадцати лет, истоки которой следует искать уже во временах Германской империи. Политика в отношении иностранцев – это, по мнению Герберта, политика объединения фундаментализмов. Крайнего отвержения всех проявлений чуждости, уничтожения ее после предварительного максимального использования прежде всего экономического потенциала иностранцев, как и полной открытости. Признания исторической ответственности за обиды, нанесенные другим народам, и создания ряда возможностей для совместного проживания в ФРГ лиц разных национальностей и культур.

Исследуя эти две крайности и стремясь их как можно более верно описать, автор создал необычайно подробную картину принципов, формирующих немецкую политику в отношении иностранцев. Их представление он начал со времен Империи, указывая на проблемы с поиском рабочей силы и одновременное ужесточение правовых предписаний, которые должны были сделать невозможной полонизацию территории Восточной Пруссии. Рассматривая ситуацию во время первой мировой войны, он обращал внимание на своего рода привычку к крайностям. Несмотря на потребность привлечения к труду

все большего количества военнопленных, механизмы репрессий в отношении всяких попыток ассимиляции последовательно совершенствовались.

Перелом и кардинальное улучшение положения иностранцев, не только из Польши, - это период Веймарской республики. Однако это не означало прекращения последовательного использования правового статуса иностранцев для попыток улучшения экономического положения страны. Процесс изменения пропорций, т. е. последовательного увеличения значения иностранцев для экономики Германии с одновременным лишением их все новых прав, достиг своего апогея во время второй мировой войны. Как справедливо заметил Герберт, количество иностранцев с 1944 по 2003 гг. в принципе не подверглось изменению, колеблясь в пределах семи миллионов. Вторая мировая война, однако, фундаментально изменила способ восприятия иностранцев. Это в отношении их возникшая на развалинах Третьего рейха ФРГ решила платить долги за 12 лет правления НСДАП.

Чтение этой части книги, которая касалась 1880-1945 гг., склоняет к нескольким критическим замечаниям. Как представляется, эта часть, несмотря ни на что, должна быть введением к следующей, описывающей время после 1945 г. Однако эта часть по объему является большей, чем главы, описывающие политику в отношении иностранцев в ФРГ. С одной стороны, стоило бы восхититься Гербертом за подбор огромного количества фактографических данных, касающихся политики в отношении иностранцев в Империи, Веймарской республике и Третьем рейхе. Только это введение превышает то, что на самом деле интересует читателя, т. е. политику с 1945 г. Хронологию книги все же не закрывает конец второй мировой войны. Как представляется, следовало бы в нескольких случаях отказаться от необычайно подробных данных, касающихся, например, труда представителей отдельных профессий в Мекленбурге в 1906 г. ради единичных и общих сравнений. Ибо количество иностранцев и их образ имеют гораздо большее значение для их восприятия, чем размер дневного заработка столяра после 90 лет.

Кроме чрезмерной в нескольких случаях фактографии, заслуживает внимания также вопрос о пропорциях представляемых национальностей. Рассматривая проблематику иностранцев, не следовало бы забывать, что на территории Германии существовали очень заметные тенденции к внутренней

миграции. Особо важное значение они имели во время второй мировой войны. Влияние переселенцев на политику и экономику также в контексте иностранцев и взаимоотношений между ними и немцами было несомненным. Представляется, что этой проблеме в работе посвящено слишком мало места. Следует также добавить, что в части, касающейся периода 1880–1945 гг., больше всего внимания посвящено лицам польского происхождения. И хотя остается несомненным факт, что поляки составляли в Германии очень многочисленную группу, они не были единственными иностранцами. Однако правдой является и то, что упрек в неодинаковом отношении в описании отдельных наций не нашел применения в остальных частях работы.

С точки зрения читателя, наиболее интересной кажется вторая часть работы, посвященная развитию политики в отношении иностранцев в послевоенный период, т. е. после 1945 г. Так же, как в предыдущих главах монографии, автор не избежал представления подробных статистических данных. Тем не менее, ему удалось избежать неравномерности между представлением значения и проблем, вытекающих из контролируемого притока отдельных национальностей в ФРГ. Следует также признать, что, несмотря на небольшой объем, Герберт синтетическим образом очертил важнейшие проблемы политики в отношении иностранцев. Он указывал на существовавшее уже с 50-х гг. давление промышленников на правительство, чтобы оно позволило принимать на работу более низкооплачиваемых рабочих из-за границы. Не уклонялся от указания связи между принципами внутренней политики и свободой приема на работу иностранцев. Это касалось в особенности отказа от необходимости приема на работу в промышленности немцев, что происходило не только во время второй мировой войны. Автор подчеркивал также значение внутригерманской эмиграции и связи между ее усилением и свободой поселения в ФРГ иностранцев.

Кроме указания на исчисляемую экономическую пользу эмиграции, много места Герберт отвел ее отрицательным аспектам: развитию экстремизма, преступности, перегрузке социальной системы. Он указывал, несомненно справедливо, на поражение введенных с 70-х гг. ограничений на приток иностранцев в ФРГ. Однако представляется, что слишком хронологически поздно, лишь с 80-х гг. представил проблему, являющуюся важнейшей в политике в отношении иностранцев,

т. е. возникновение значительного и не обнаруживающего намерения ассимиляции турецкого меньшинства, как и значения лиц, прибывающих в ФРГ с просьбой о предоставлении убежища. Может быть, легче было бы тогда анализировать представленные несомненно слишком бегло проблемы волны ненависти в отношении к иностранцам, которая поднялась непосредственно после объединения Германии. Ведь эта проблема не была связана исключительно с мирной революцией в ГДР. Ее нельзя было также объяснять с помощью представления хронологии принятия законодательства, касающегося иностранцев и эмиграции. Последняя, впрочем, является неполной. Ибо, как представляется, можно было бы отложить издание до времени принятия бундестагом в начале 2005 г. нового закона об иностранцах.

Несмотря на сделанные выше упреки, книга Герберта несомненно принадлежит к канону литературы, касающейся проблематики иностранцев в ФРГ. Она содержит необычайно много фактографического материала, прекрасно обработанного и, кроме того, снабженного исчерпывающими примечаниями, библиографией и указателями. И хотя несомненно больше места автор посвящает истории, чем современности, благодаря этому легче будет понять сегодняшний день немецкой политики в отношении иностранцев.

Тытус Яскуловски